

—Дедуля! А я сижу, лала делаю, тебя не вижу! Ты сейчас прилетела? Почему мне не позвонила? Ты меня сразу обидеть хочешь? Роберт? Ты что тут делаешь? Давай я закрою глаза и представлю, что я тебя не вижу! Потом открою, и тебя здесь не будет! Я тебя сейчас колесами туда-сюда перееду! Дедуля, где твой чемодан? У Роберта в багажнике? Роберт, я тебя два раза туда-сюда перееду! Как ты посмел положить такой чемодан в свой багажник? Разве ты не знаешь, что Нину я всегда туда-сюда вожу! Да она мне как родная! Нет, она мне такая родная, что я с нее стесняюсь деньги брать! Да, беру, но очень переживаю! Ты хочешь, чтобы Нина в твоём «беэмве» ехала? Она на «Мерседесах» привыкла ездить! На моем «Мерседесе». Все, устал я с тобой говорить! Почему я вообще с тобой говорю? Ты меня от дела отвлекаешь! Ехай, куда ехал!

Нина обреченно смотрела, как таксист дядя Рафик, продолжая насыпать проклятия на голову конкурента,

Маша Трауб

вытаскивает ее чемодан из машины таксиста Роберта, которого тетя Ася специально вызвала, и укладывает в свой багажник. Спокойно доехать до дома не получится.

— Дедуля! Как ты? Почему прилетела? У тебя что-то случилось или в гости? Что я такого Асе сделал, что она меня больше не любит? Зачем Роберта позвала? Или она обиделась? Слушай, если эти соседки будут говорить, что Рафик много денег берет и совесть потерял, ты им не верь! Я тебя почти даром возить буду! Так им всем и передай! Что им этот Роберт так нравится? Что он делает этим женщинам, что они его зовут? Или он умеет ехать так, как я не умею? Да он тьфу, младенец передо мной!

— Дядя Рафик, можно я покурю в машине?

— Нужно! Кури, пей, танцуй! Хочешь, музыку громко включу? Дедуля, а ты что приехала? Соскучилась? Это правильно! Или насовсем? Скажи, что насовсем — я праздник устрою! Не хочешь говорить, не говори — я глухой буду для тебя! Я тебе так скажу, дома всегда лучше. Вот скажи, в Москве разве лучше? Я не знаю, не был. Ты вернулась, когда Натэлу замуж выдавали, так все радовались! Я больше всех радовался! Потом ты опять уехала! Зачем? Людей много, машин много! Но я тебе вот что скажу — у нас теперь

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

тоже всего много! Если тебе нужно, чтобы по улице спокойно пройти нельзя, то ты правильно вернулась! У нас столько туристов! Едут и едут, им что, город резиновый? Как они здесь помещаются? Соседи на меня обижаются, говорят, Рафик на один лари больше стал брать! Да я из-за этих туристов рыбу не могу поесть! Вчера мидии брал — мелкие, а стоят на четыре лари дороже. Я им говорю, три дня назад нормально стояли, что они — золотыми стали? Так я первый куплю, если золотые! Вот ты мне скажи, у них совесть есть так продавать? Нет! Тогда у меня тоже совести нет! А машины? Все таксистами стали! Раньше кто был таксистом? Я и Леванчик. Нас все знали. Мы хорошо работали. Ругались, да, но уважали друг друга. А сейчас что? Появляются всякие Роберты! Покурить спокойно нельзя — тут же клиента отберут! Разве так можно? Из-под носа уводят! А я что? Бегать должен? Никакого уважения к пожилому человеку! Как Леванчик умер, так я совсем один остался. Чтоб он на том свете новый «Мерседес» водил! Что там еще есть, чего у нас нет? Магазины там? У нас до Турции ближе, поехал, купил что захотел! Они так могут? Не могут! Как хорошо, что ты вернулась! Ох, дурная моя голова, я даже не спросил, как ты долетела! Почему не позвонила? Ты же знаешь, что я всех в аэропорту знаю! У меня

Маша Трауб

●

же троюродная сестра Луиза там работает. Ты бы позвонила мне, я бы позвонил Луизе, ты бы без очереди на этот контроль прошла. И чемодан первой получила!

— Спасибо, дядя Рафик, я хорошо долетела. Даже раньше на двадцать минут.

— О! Тогда тебя Або летел! Сын моей Луизы! Очень хорошо он самолет водит, почти так же, как я — машину. Наша кровь.

— Рафик! Сейчас Або твоей Луизы прилетел? — закричал водитель со встречной полосы.

— Да! — ответил Рафик.

— Ты ему скажи, чтобы он нормально летал! Опять раньше прилетел! Меня люди ждут! — крикнул таксист. Светофор уже загорелся зеленым, но таксисты стояли и не думали ехать.

— Что ты такое говоришь? Сам проспал, а теперь Або виноват? Скажи спасибо, что я Нину везу, у меня времени нет с тобой разговаривать. А твои туристы уже уехали! На другой машине! — Дядя Рафик злобно посигналил и нажал на газ. — Вот ты мне скажи, Нино, есть совесть у этих людей? Або позже прилетает — они недовольны. Раньше прилетает — они опять недовольны. Что им нужно? Я уже ему говорил сто раз — прилетай вовремя! А он все равно не может!

Шушана, Жужуна и другие родственники

В небе лихачит! Не может он медленно лететь! Я же не могу медленно ехать!

В подтверждение своих слов дядя Рафик, просигналив, выскочил на встречную полосу и обогнал сразу две машины.

— Тетя Ася дома? — спросила Нина, поймав паузу в монологе дяди Рафика.

— Нет, какой дома? Ты что, не знаешь? Она работать пошла. У Мадлены в магазине стоит. Говорит, ей скучно. Она знает, что ты приехала? Конечно, знает. А если знает, то почему я не знаю? Это она тебе Роберта подсунула? Скажи мне, что ты тайно приехала! Иначе я нервничать начну! Почему Ася меня игнорирует, что мне обидно становится?

— Дядя Рафик, просто так получилось. Не обижайся.

— Да как я могу на тебя обижаться? Ты же мне как дочка! Разве я могу на дочку обижаться? Только ты к Роберту не садись. Не доверяю я ему — молчит, даже музыку не слушает. Что у него в голове? И женщины у него нет. Холостяк. В рестораны не ходит, ни за кем не ухаживает. Разве это нормально? Да я, если женщину красивую вижу, голову сворачиваю так, что у меня шея болит. А почему? Потому что я — мужчина! Да я еще пять раз жениться могу, нет, десять, если захочу! А он?

Маша Трауб

Почему не разговаривает? Как можно с пассажиром не поговорить? Это же неприлично! Надо же спросить, как дела, куда едет, зачем едет, где живет, как живет. Человеку будет приятно. А Роберту будто неинтересно. Вот ты мне скажи, он такой вид делает или теперь так модно? Чтобы молча ехать? Если я молчать буду, тебе разве приятно будет? Разве ты не удивишься? Почему дядя Рафик молчит? Он что — немой?

— Дядя Рафик, а вы можете меня к Мадлене отвезти? У меня ключей нет.

— Я тебя к Мадлене и везу! Зачем ты мне такое говоришь? Я хоть и старый, но не глупый же! Почему я тебя повезу домой, если Аси там нет? — Таксист, просигналив всем встречным машинам, свернул к магазину, распугав заодно и пешеходов.

Мадлена, хозяйка магазина, сидела на лавочке перед входом и обмахивалась, как веером, куском картона, оторванным от коробки.

— Рафик, что ты тут на меня пылишь? — возмутилась она.

— Смотри, кого я привез! — приветственно закричал таксист, молниеносно убрав в карман деньги, которые ему дала Нина.

— Уйди, чтобы мои глаза тебя не видели! — закричала Мадлена. — Бессовестный ты! Сколько ты взял

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

с невесты моего племянника, когда на пляж ее возил? Девочка в первый раз приехала сюда, а ты меня так опозорил! Да чтоб ты до конца жизни только маршрутку водил! Нет, чтоб ты одиннадцатый автобус водил! И с Нины деньги взял! Я все видела! Не слепая! Как у тебя рука не отсохнет! Пусть обе руки у тебя отсохнут! И ноги! Чтобы на педали не мог нажимать!

— Ведьма! — закричал в ответ дядя Рафик.

— Почему ты ее привез? Что ты с Робертом сделал? Совести у тебя нет! Вот попросишь у меня в долг, я тебе хлеба не дам! И мне стыдно не будет! Вози туристов, а Роберта не трогай!

— Что ты такое говоришь, женщина? Я же не знал, что эта девочка — твоя! Чем хочешь поклянись! Я же думал, она туристка! Она же не сказала, что тебе родственницей приходится! А Нино как могла с Робертом ехать? В его «беэмве», — дядя Рафик старательно исковеркал название, — ее чемодан не влезал! Пусть Роберт нормальный багажник себе заведет, тогда я первый слова против него не скажу!

— Врешь и не краснеешь! А сколько ты с моего племянника взял, когда его в Турцию возил? Что, забыл? Я не забыла! Два года назад всего было! Так я до сих пор извиняюсь! Мне надо такой позор? Я бы за такие деньги сама его отвезла!

Маша Трауб

— Там очередь была на границе! Три часа стояли!

— Только ты за эти три часа успел и поесть, и выпить! Что я, не знаю? Потом пьяный ехал!

— Кто пьяный? Я пьяный? Да я с закрытыми глазами могу ехать! Вот, проверь! Я сейчас глаза завяжу и поеду! Пьяный... Мне, чтобы пьяным стать, три дня нужно из-за стола не вставать! Да я пьяный пешком хуже хожу, чем на машине еду.

— Уезжай по-хорошему! А то я сейчас встану с ящика, яйца возьму и тебе твой «Мерседес» разукрашу! Не постесняюсь! Меня все поймут! Никто не осудит!

— Ты хулиганка, да? Зачем мне угрожаешь? — Дядя Рафик быстро сел в машину и начал выруливать.

— Еще раз здесь появишься, я тебя по-другому встречу! Уезжай уже! — Мадлена размахивала картонкой, как кинжалом.

— Спасибо, дядя Рафик, — сказала таксисту Нина.

— Дедуля! Дочка! Только позвони! Дядя Рафик тебя так довезет, как никто не довезет! — Рафик уже вырулил на дорогу.

— Ох, я сейчас тебя догоню и убью! — прокричала ему вслед Мадлена. — Вернись, я тебе еще не все сказала!

Нина зашла внутрь магазина и увидела за прилавком свою крестную, тетю Асю. Та сильно сдала

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

за последние годы — выглядела постаревшей, очень уставшей. Хорошо еще, что рядом суетилась с покупателями молоденькая девушка, наверняка какая-нибудь родственница Мадлены. Тетя Ася только следила за тем, как она отпускала товар, выбивала чек.

— Тетя Ася, — тихо позвала Нина.

— Нино! Дочка! — закричала тетя Ася. — Мое счастье мне на голову свалилось! Ты же завтра должна была приехать! Разве нет? Кто тебя встретил? Роберт? Почему я ничего не знаю? Почему не позвонила? Что случилось? Ты когда сказала, что приезжаешь, у меня чуть сердце не остановилось! Ничего у тебя не случилось? Или что-то плохое? Не говори мне сейчас про плохое! Слышать не хочу! У меня счастье сегодня! Кто тебя привез? Рафик? Ты ему еще денег дала? Как он посмел взять? Мадлена, Нино приехала, ты видела? — Тетя Ася голосила на весь магазин. Она выбралась из-за прилавка и кинулась обнимать и целовать Нину.

— Ася, иди уже, не пугай покупателей! Ты представляешь, что сделал этот обнаглевший Рафик? Сначала он вытащил ее чемодан из багажника Роберта! А сейчас на моих глазах с нее деньги взял! Как с туристки взял! Когда домой пойдешь, плюнь ему под дверь! Два раза плюнь — от себя и от меня! Нет, три

Маша Трауб

раза плюнь — еще от моей невестки! — зашла в магазин Мадлена.

Тетя Ася сняла фартук и, не переставая обнимать Нину, повела ее домой.

— А где мой чемодан? — ахнула Нина, которая совершенно забыла про багаж.

— Вот, у подъезда стоит, Рафик принес, — показала тетя Ася.

— Надо его поблагодарить. — Нина была тронута заботой, от которой успела отвыкнуть.

— Да за те деньги, что он с тебя взял, он должен на машине твой чемодан на мой этаж завезти! Прямо в квартиру припарковать!

— Дядя Рафик говорит, туристов в этом году много, — решила сменить тему Нина.

— Слушай, меня сегодня так замучили! — немедленно переключилась крестная. — Ходят, вопросы задают. Дорогу им покажи. Сколько стоит такси, скажи. На какой пляж пойти. У меня уже язык болит. Я им цену меньше говорю. Такси пять лари стоит, а я говорю — три.

— Зачем? — удивилась Нина.

— Так пусть у таких, как Рафик, таксистов тоже не голова, а язык болит. Что, мне одной мучиться? А эти туристы хоть головой думать научатся. Я одних тури-

Шушана, Жужуна и другие родственники

стов к Рафику отправила. Вот он чуть солнечный удар не получил. Они говорят, три лари до центра доехать, как я научила, а он просит шесть. Долго торговались. Но ты же знаешь, Рафик жадный. А с годами совсем жадный стал — и себе не возьмет, и другим жалко отдать. Ты бы видела его лицо, когда туристы на другом такси поехали, за три лари! Вот я смеялась! Я им говорю: давайте мне десять лари, и я буду вашей справочной бюро. Все, клянусь, завтра рот не раскрою. Даже если язык чесаться будет, не раскрою. Молча буду говорить!

— Тетя Ася, а зачем ты работать пошла?

— Как зачем? Ты видишь, что они делают? — Крестная отодвинула занавеску и показала Нине на соседний дом.

Нина подошла к окну, но ничего необычного не заметила.

— Что? Не понимаю.

— Да ты что? Где твои глаза? — удивилась тетя Ася.

И тут Нина заметила, что все пятиэтажки неуловимо изменились. Дома вроде бы те же — даже белье на веревках сушится привычное, вон там розовое постельное Луизы, но что-то не так.

— Давай я кофе сварю. Сейчас кофе выпьешь, сразу все увидишь. — Тетя Ася ушла на кухню.

Маша Трауб

Нина вышла на крошечный балкончик крестной, уставленный кадками с цветами. Любимый кактус тети Аси разросся до гигантских размеров и расцвел. И Нина вдруг поняла — пятиэтажки стали разрастаться вверх и вширь. Кое-где появился шестой этаж, причем некоторые квартиры не доросли до шестого этажа, и дом получился будто с башенками. Вокруг они были обнесены копиями — железными прутьями и сооружениями из арматуры, — дома росли вбок, балконами, балкончиками, полноценными этажами, которые прилеплялись сбоку. Строились дополнительные лоджии, которые превращались в комнаты.

— Ну, ты поняла? — Тетя Ася принесла кофе. — Я тоже хочу балкон. Кухню туда перенесу. Если эту стену сломать, то зала будет роскошная. Если бы у меня деньги были, я бы еще одну комнату пристроила, вот сюда. Можно сломать стену в спальне и достроить. Я отведу тебя на шестой этаж. Жена Леванчика куколку сделала, а не квартиру! Они же на пятом живут, а теперь я даже не знаю — и на пятом, и на шестом. Этаж достроили. Тем, кто на пятом, — можно вверх строить, а нам — только вбок. Мы на шестой этаж теперь как в музей ходим. Такую планировку жена Леванчика придумала, никто такую не придумал. Только ей потолок плохо покрыли. У нее на потолке — араратские горы!

Шушана, Жужуна и другие родственники

Вот заработаю и хотя бы лоджию пристрою. Хочу большую. Если организованно делать, то дешевле. Уже весь наш подъезд согласился. Как ты думаешь, если в стене окно прорубить, воздуха больше будет? Кто-то рубит, кто-то нет. А я сомневаюсь. Если у меня лоджия будет, я жить на ней буду. Так хочу! Не могу, как хочу! Мадлена обещала в долг дать, поэтому я у нее работаю. Да что работаю? Языком работаю! У меня щеки болят, так язык от разговоров болит! Но если все делать будут, то и я буду делать! Все стены сломаю!

— Теть Ась, а если стены сломать, то дом не рухнет? Стены же несущие вроде бы, — удивилась Нина.

— У кого рухнет? — не поняла крестная. — Какие такие несущие? Как может дом сломаться? Ерунду ты говоришь! Жена Леванчика все стены сломала, ванную в кухню перенесла, кухню на лоджию вынесла, еще такие ниши в стене сделала! Ничего у нее не сломалось! Ниши мне тоже нравятся. Себе такие сделаю! Да она сейчас придет, сама тебе все расскажет!

— Придет? — не поняла Нина.

— Конечно! Почему не должна прийти? Где ей еще кофе пить?

— Теть Ася, я не понимаю, — взмолилась Нина.

— Жена Леванчика свою квартиру туркам сдала! Живет теперь у родственников. А ко мне она прихо-

Маша Трауб

дит кофе пить. Привыкла здесь. Не может там кофе пить.

— Зачем?

— Что зачем? Зачем туркам или зачем сдала? Ты когда из своей Москвы приезжаешь, совсем странная делаешься. Сдала, потому что деньги нужны. Она в долг ремонт делала и шестой этаж достраивала. Долг же отдавать надо, а где деньги взять? Вот она и сдала на лето квартиру. А туркам отдала, чтобы не понимать, что они ей говорят и что она им говорит. Очень хорошо они общаются. Как родственники. Нет, лучше, чем родственники. Улыбаются, не ругаются. А как ругаться, если ничего не понимаешь? Да что я тебе рассказываю! Пойдем поднимемся. Посмотришь, какие ниши я хочу. Посоветуешь — это в городе модно теперь? Жена Леванчика говорит, что это последний шик! Я не верю, конечно!

— А жильцы? Если они дома?

— Изю! — Тетя Ася высунулась по пояс из окна. — Турки дома?

— Нет! Ушли полчаса назад! — прокричала соседка.

— Пойдем. — Крестная потащила Нину на лестничную клетку.

За время Нининого отсутствия подъезд изменился не сильно. Несмотря на бурное строительство,

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

расширение и надстройки в квартирах, до ремонта самого подъезда и лестничных клеток руки ни у кого не дошли. Правда, на дверях появились украшения — позолоченные молоточки в виде львиных голов. Украшения имели прикладную функцию — стучать в дверь, но никому и в голову не приходило использовать их по назначению. Двери по-прежнему не запирались, дверные звонки, даже те, что имелись, не работали ни дня, и соседки, заходя в чужую квартиру, по-прежнему извещали о своем визите криком: «Это я!»

Нина догадалась: чем больше лев на двери, чем гуще у него грива и чем больше на нем золота, тем солиднее. На двери соседа, который провел проводку и сенсорную лампочку, реагировавшую на движение — тоже единственную на весь подъезд, — висела огромная львиная голова. Нине показалось, что она была украшена стразами — так сверкала.

Они поднялись на шестой этаж, и тут пришлось восторгаться нишами, перепланировкой и кухней на месте ванной. Все это время Нину не покидало ощущение, что чего-то не хватает. Уже выйдя из квартиры, она споткнулась о ступеньку, машинально протянула руку к перилам и едва не свалилась вниз головой. Перил не было.

Маша Трауб

— Тетя Ася, а где перила? — Нина перепугалась по-настоящему.

— Ой, слушай, забыли поставить. Когда вспомнили, уже и так привыкли ходить. Ты тоже привыкнешь.

— Как забыли? А если дети упадут?

— Дочка, Нино, что с тобой? Я уже волноваться начинаю за твои слова. Ты совсем другая стала. Когда это дети падали без перил? Ну-ка, скажи мне, ты зачем приехала? Что-то случилось? Вай мэ, голова моя, я же не спросила, почему ты так с неба свалилась! Ты здорова? Или у тебя беда какая? Ну-ка пойдем, все мне расскажешь. Как я сразу не догадалась! Пойдем к Вале, а то мне потом ей все пересказывать, так я забуду, не так расскажу. Пойдем, пойдем, Валя чашку тебе посмотрит, она хорошо смотрит. Мне смотрела, так чашка вся черная была. Ничего не увидела. Я как чувствовала, что что-то случится. Думала, про квартиру, а оказалось про тебя. Ты меня сейчас нервничать заставишь!

— Тетя Ася, ничего не случилось, я просто приехала. Сейчас я в душ схожу и переоденусь, а то я вся мокрая. Вода у нас есть?

— Конечно, есть! Вода теперь всегда есть! Хочешь, ночью мойся! Ты мне правду говоришь? Ты просто так приехала? Нет, не говори! Я ничего не слышу! Сейчас к Вале придем, и там все скажешь!

Шушана, Жужуна и другие родственники

— Тетя Ася, можно я в спальню чемодан отнесу?

— Что ты спрашиваешь? Ты как будто не дома! Нет, я все-таки начну нервничать. Сейчас Вале позволю, пусть она тоже начнет нервничать.

Нина зашла в спальню крестной и остолбенела. На окне висела растяжка: «Дом обуви» и нарисованный башмак.

— Тетя Ася, ты что, мастерскую здесь открыла? — осторожно спросила Нина.

— Зачем мастерскую? Какую мастерскую? Тебе обувь надо починить? Так Отар работает! Ему отдадим! — не поняла крестная.

— У тебя тут висит...

— А, это... Слушай, третьи занавески выгорели, жалко ведь! — отмахнулась крестная. — Вот мне Отар и отдал это полотно. Ему не надо, его и так все знают. А мне — окна закрыть очень надо. Слушай, такое хорошее объявление, лучше всяких занавесок. Думаю, не буду снимать до осени. Солнце утром не пропускает, комаров не пропускает!

— Тетя Ася, ты же всегда занавески любила! Я же тебе присылала хорошие, плотные.

— Дочка, я на эти занавески даже дышать боюсь, такие они красивые! Вот, смотри, лежат у меня в шкафу на отдельной полке. Зима будет — повешу. Сейчас

Маша Трауб

у меня рука не поднимается. Они выгорят, станут некрасивыми, ты мне что скажешь? Что я твой подарок не ценю!

— Хорошо, мы их вместе повесим. А если они испортятся, я тебе новые куплю. Я привезла деньги и еще заработаю. И на лоджию тебе дам. Сколько нужно, столько и дам. Так что скажешь Мадлене, что ты у нее больше не работаешь!

— Нино, у меня уже сердце колотится, зачем ты таким голосом говоришь? Зачем ты мне все это говоришь?

Тетя Ася присела на кровать и посмотрела на Нину, как будто та объявила о смертельной болезни.

— Так, я в душ. — Нина скрылась в ванной и, зайдя туда, заплакала. Было проще сровнять все бульдозером и построить новое. Старая плитка, которой было столько же лет, сколько и Нине, едва не отваливалась. На держателе для занавески сушилась сетка. Обычная рыболовная сетка, которая здесь служила мочалкой. Других мочалок Нина и не знала, пока не приехала в Москву. Тетя Ася, как и все местные жители, предпочитала обычную сетку, мелкой вязки. Для туристов ввели новшество — связывали сетку с двух сторон, чтобы было похоже на мочалку. Вязали крупнее, красили в бирюзу. Но местные предпочитали не связан-

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

ную, обычную, грязно-коричневую, с которой еще месяц слезала краска. Нина вспомнила, как ненавидела в детстве сетку — мама больно терла ею, до скрипа. А сейчас она решила первым делом купить себе новую — оттереться от столичной жизни, тоже до скрипа.

Сетка, старая плитка в ванной, непривычно обильная струя воды из крана — все это довело Нину почти до истерики. Она плакала, стоя под душем, смывая собственную глупость — зачем было уезжать отсюда, терять в Москве столько лет, которые ей не принесли ничего, кроме огромной, тотальной усталости. И да, денег. Их Нина хотела потратить как можно быстрее. Ей даже эти, честно заработанные деньги казались грязными. Неправильными. Она ведь и не знала, что крестная вынуждена работать. Не знала, что она так постарела и наверняка скрывает болячки. Не знала, что так нужна здесь.

Нина вышла из ванной только после того, как тетя Ася начала обеспокоенно стучать ей в дверь.

— Нино, ты там утонула? Если тебе воды мало и ты хочешь утопиться, лучше пойдём на море! Прямо завтра и пойдём, если дождя не будет!

— Тетя Ася, можно я посплю немного? — без особой надежды на разрешение спросила Нина.

Маша Трауб

— Ты что! Нас Валя уже заждалась!
Спротивляться было бесполезно.

— Это я! — объявила крестная о своем приходе.

— Ася? Иди сюда, ты только послушай, что они говорят! Я тебе звонить собиралась! Мои уши не выдерживают! Нино! Дочка! Ты тоже послушай! — Валя держала у уха телефон. Крикнула в трубку: — Все, не могу говорить! У меня гости! Нет! Два часа не могу говорить! Нет, три часа!

— Что случилось? — поинтересовалась тетя Ася, удобно устраиваясь на стуле. Разговор предстоял долгий.

— Сейчас кофе сварю. — Валя побежала на кухню. — Нино, ты что приехала? В гости или насовсем? Или что случилось? Соскучилась? Почему ты в ванной так долго мылась? У вас там в Москве воды, что ли, нет? Уже ходили к жене Леванчика на шестой этаж? Скажи мне, я про дизайн ничего не понимаю, но если мне не нравится — молчать не буду. Почему всем нравится, а мне нет? Зачем она ниши выдолбила? Что у нее, посуды столько, что она шкафы туда поставит? Нет у нее никакой посуды! А эта палка, которая в вазе торчит, ты видела? Бамбук, что ли? Это модно? По мне, так этой палкой ковер хорошо выбивать, а не в вазу

Шушана, Жужуна и другие родственники

ставить. Если бы розы стояли, я бы поняла. А у нее это дизайн называется. Вон Ася завидует! Я не понимаю, чему там завидовать? Я могу на улицу выйти, оборвать ветки и тоже в вазу поставить! Что ты, Ася, на меня так смотришь? Пусть Нина скажет. Она в Москве много видела. Разве палки модно? Говори!

— Ну, в салонах красоты ниши делают и вазы с искусственными цветами или бамбуком ставят.

— Это что, где маникюр делают? — расхохоталась Валя. — Я так и знала! Слышишь, Ася, у жены Леванчика вкус, как у маникюрши! Скажи, Нино, а это правда, что ты хочешь Асе лоджию оплатить? Ты что, совсем приехала? И я столько раз говорила Асе, чтобы она твои шторы повесила! У меня уже язык отсох, сколько я это говорила! Нет, она на эту тряпку любитесь!

Нина поймала себя на мысли, что успела отвыкнуть от местных особенностей общения. Эти женщины слышали сквозь стены и чувствовали друг друга через потолок. Они были связаны друг с другом невидимыми нитями.

— Я сказала Нине, чтобы она ничего мне не рассказывала, — сказала крестная, — чтобы сразу мы вместе слышали. Валя, мне что-то плохо. Как ты думаешь, у Нино все хорошо? Ты ей посмотришь чашку?

Маша Трауб

Помнишь, моя чашка черная была, это из-за Нины? Или из-за того, что я Мадлену хочу убить, но не могу? Знаешь, как она мне надоела? Так на нервы действует, что я мечтаю ее убить! Нет, я мечтаю подговорить Рафика, чтобы он ее на машине туда-сюда переехал. Два раза. Такая она неприятная женщина. Слушай, хоть бы лифчик надевала! Сядет около магазина со своей картонкой, грудь до колен свесит, всех покупателей пугает! Разве это прилично? Нина хочет, чтобы я уволилась. Да я и сама хочу, только вдруг у Нины проблемы? Почему она так вернулась, как счастье мне на голову?

Обе женщины внимательно посмотрели на Нину, которая с удовольствием пила сваренный Валею кофе. От такого кофе она отвыкла и наслаждалась каждым глотком. Валя с крестной говорили так, будто ее и в комнате не было, и Нину это устраивало.

— Подожди, что ты так нервничаешь? Посмотри на нее — сидит, кофе пьет. Живая, здоровая. Так радоваться надо! Приехала — значит, решила. Захочет — сама расскажет. Ты лучше сейчас меня послушай! Знаешь, что они мне сказали? Ты даже не представляешь, что они мне сказали! — Валя махнула рукой так, будто собиралась зарезать всех, кто ей сказал неприятное. — Ненавижу их! Так ненавижу, что себя ненавижу за то, что их ненавижу! Родственники все-таки. Но

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

зачем мне такие родственники, что я от них больная становлюсь. Вот у меня сейчас так голова болит, что прямо в сердце отдает! Я им говорю, что у меня сердце болит, а они отвечают, вот прямо сейчас сказали, что это я сама виновата! Скажи, я хочу, чтобы у меня сердце болело? Нет!

Оказалось, что неделю назад к Вале приезжала младшая дочка двоюродной сестры с женихом. Показать, познакомиться.

— Знаешь, как она его называет? — Валя продолжала размахивать руками, повергая невидимых врагов направо и налево. — Артурик! Артурику этому уже за тридцать! Что я говорю? Тридцать шесть ему! А он все Артурик! Старый он для нее — ей девятнадцать лет. Не девушка, а бутон! А она на него смотрит, будто у него «Мерседес» новый и квартира на бульваре, так она на него смотрит! Я его спросила — у него «Мерседес» и квартира на бульваре? Она обиделась! За него обиделась! Вот правильно говорят, если Бог красоту дал, значит, мозгов лишил. Красивая девочка, но такая глупая, что я всех родственников вспомнила, не поняла, в кого. Не было у нас в роду таких глупых, чтобы совсем без мозга, кроме сестры моей двоюродной. Девочка же не виновата, что в мать пошла. За что ей такое горе? Но она же не слепая! У этого жениха живот больше,

Маша Трауб

чем у жены Леванчика, чтоб она здорова была. И волос столько же — три пера на всю лысину. Как она на него посмотрела? Такая красавица! И что? Я их здесь поселила, комнату дальнюю отдала, молчала уж, как могла. Рот суровой ниткой зашила, чтобы лишнего не сказать, все ради девочки, которая ни в чем не виновата.

Ты же знаешь, у нас новая колонка. Три года назад поставила. Кондиционер поставила, колонку поставила, вентилятор новый поставила, что еще нужно? А он спрашивает: «Вода есть?» Я говорю: «Обижаешь, конечно, есть. Всегда есть. Мы же не в пещере живем!» Он так удивился, что я в первый раз обиделась. Но виду не подала. Промолчала. Э, как мне тяжело было молчать! Все знают, как я за эту колонку гордилась!

Вся многочисленная семья Вали очень радовалась новой колонке. Правда, вода текла или холодная, или кипяток. Но ведь текла! Все мылись холодной, очень удобно, в жару что, горячей мыться? А если нужна была теплая, то по старой привычке, когда воду давали по часам, горячую воду набирали в ванную и ждали, когда она остынет. Все привыкли, всем нравилось. И вот приехал этот жених младшей дочери двоюродной Валиной сестры, замерз под холодной водой, ошпарился кипятком, вылил ванну с теплой водой и был недоволен. Что он после этого сделал? Взял и пере-

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

двинул рычажок на колонке, после чего из крана потекла умеренно теплая вода. У Вали все до секунды было рассчитано — сколько ждать, когда вода остынет, сколько набрать воды для стирки, как включить, чтобы кипяток лился, как повернуть, чтобы холодная шла. А тут вдруг вся схема сломалась.

— Схема сломалась, а он довольный такой был! — возмущалась соседка. — Приехал не пойми кто, не пойми из какой семьи, рычажок передвинул и считает себя самым умным! А мы, получается, такие дураки, что сами не догадались! Ходил такой гордый, как павлин, и все не мог молчать — почему это мы раньше не отрегулировали, почему батарейки не поменяли? Батарейки ему в моей колонке не понравились, так он новые поставил! Умный такой, да? Так мы согласие на свадьбу не дали! Не было в нашем роду таких павлинов ободранных, ни у кого не было! Что я, зла своей племяннице желаю? Не надо нам таких в семье. Так я ей и сказала напрямую. А она обиделась. И сказала, что Артурик хотел как лучше, а мы его сразу не приняли, настроены были плохо. Конечно, плохо, а как тут еще настраиваться? Не успел порог переступить, уже свои порядки устанавливает. Под какой водой мне мыться и как воду остужать! Да не нужна мне его теплая вода. Не понимаю я ее. Если горячая, так кипя-

Маша Трауб

тить надо, если холодная, так в кране. Теперь они мне звонят и говорят, что я девочке судьбу сломала, Артурик жениться передумал. Они мне должны подарки везти за такое счастье! Разве нет?

Нина не выдержала и начала смеяться. Подавленное настроение, в котором она находилась последние несколько месяцев, как рукой сняло.

— Зачем ты из-за колонки девочку расстроила? — Тетя Ася тоже смеялась. — Ну повернул, тебе жалко, что ли, потом бы опять повернула назад.

— Да разве я из-за колонки? — отмахнулась Валя. — Мы у зубного поругались, когда он свое истинное лицо показал. Так показал, что я не понимаю, как моя племянница не прозрела! Да самый слепой бы видеть начал. А она опять меня виноватой сделала!

У несчастного Артурика, который так и не понял, в чем его вина, внезапно разболелся зуб. Естественно, как заверила Валя, его повезли в лучшую в городе клинику, которая только недавно открылась. Врачом был младший сын тети Луизы, у которой старший — летчик, и ходили слухи, что он поставил такое оборудование, какого и в Москве нет! Там такие лампы, что солнца не нужно! Такие салфетки, которые на стол гостям можно класть! И мебель вся белая. Цены тоже, естественно, не местные.

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

— Там одна пломба стоит столько, сколько весь мой мост! — кричала Валя. — Мы на себе сэкономили, но не на этом Артурике!

Естественно, воспользовавшись благовидным предлогом, посмотреть на такое чудо собрались все родственники Вали, друзья родственников и гости родственников, которых некуда было девать — не оставлять же одних! Артурика уложили в кресло, вокруг собралась толпа любопытствующих, каждый из которых по очереди заглянул ему в рот, чтобы оценить проблему. Младший сын тети Луизы, привыкший к зрителям, спокойно делал свое дело. Во-первых, мама ему сказала, что придут люди посмотреть. Во-вторых, старший брат опять прилетел раньше времени — таксисты снова не успели к встрече туристов, и тетя Луиза заклинала младшего не позорить семью. В-третьих, у Артурика был уже приличный флюс.

Он мычал и размахивал руками.

— Ему, видите ли, было неудобно, что на него смотрят! — Валя с возмущением опрокинула на блюдце чашку кофе, чтобы погадать на гуще. — Что мы там не видели? Ему что, жалко? Люди пришли специально, беспокоились за него, волновались, лучшего в городе врача ему организовали, спасибо тете Луизе, а он еще

Маша Трауб

недоволен! Хотел, чтобы мы вышли! Так мы его вышли! Не нужен нам такой! Да ну его! Не хочу про него даже слова лишнего говорить! Они уехали, и что? Сестра звонит и говорит, я виновата — жениха от дома отвадила, да так, что он дорогу забыл. Сгинул и даже на телефон не отвечает. Да чтоб она мне за это здоровья пожелала! А она говорит, что дочка ее, моя племянница, все глаза выплакала. Я ей так и сказала, что дуры обе, раз из-за такого павлина с флюсом плачете. Сбежал, так пусть у него бельмо на глазу вскочит! Все, не хочу про них больше!

Что у тебя, Нино, случилось? Рафик сказал, ты в аэропорту, как туристка, стояла. Не знала, куда идти. Хотя я тебе скажу, надо было с Робертом ехать, Рафик совсем обнаглел! Такие деньги берет! И не стыдно ему! Леванчик-то умер, а больше с Рафиком никто не может справиться. Роберту до Леванчика далеко. Но мы его защищаем.

— Валя, посмотри ее чашку. Совсем черная? — обеспокоенно спросила тетя Ася.

— Совсем, — ответила Валя, едва заглянув в чашку. Нина не выдержала и заплакала.

— Нино! Дочка! — Тетя Ася подскочила и принялась ее успокаивать: — Да ты что? Почему плачешь? Такие красивые глазки сейчас красные станут!

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

— Тетя Ася, можно я у тебя поживу? Недолго, не знаю сколько, — попросила Нина.

— Ася! Что мы с тобой кофе пьем? Давай вино пить! Нино насовсем вернулась! Разве ты не поняла? Я поняла! — обрадовалась Валя и бросилась к холодильнику доставать еду и бутылки с вином.

— Нино, я сейчас тоже плакать буду. Ты скажи, что случилось? — спросила крестная.

— Не знаю. Ничего не случилось. Устала. Не хочу больше в Москве жить. Я дома хочу. Здесь хочу, — зарыдала Нина.

— Да кто же против? Кто же тебе не рад? — всполошилась Валя.

— Тебе нужно отдохнуть, дочка. А там видно будет, — сказала тетя Ася.

Так Нина вернулась домой, в родной город на берегу моря. Жила одним днем, отдыхала, гуляла. Тете Асе пристроили лоджию — та была счастлива. Еще повесили занавески и выдолбили две ниши в стене. Тетя Ася ушла от Мадлены и всем говорила, что счастье пришло в ее дом — крестница вернулась насовсем.

Нина знала, что долго так продолжаться не может. Она начала скучать, тосковать и не знала, куда деть свою энергию. Она понимала, что деньги скоро кон-

Маша Трауб

чатся, а жить на что-то надо. Шансов найти работу в городе не было. И не хотелось. Ну не к Мадлене же в магазин идти продавщицей. Нине нужна была новая жизнь. Какая — она не понимала. Крестная все чувствовала.

— Нино, дочка, ты же знаешь, как я тебя люблю. Никого так не люблю, как тебя. Ты моя жизнь, — сказала однажды вечером тетя Ася. — Я тебе сейчас скажу, только ты не обижайся. Не здесь твое место. Нет у тебя здесь судьбы. Приезжай, когда захочешь, отдохай, но не надо здесь жить.

— Тетя Ася, я в Москву не вернусь, — ответила Нина. — Я так решила.

— Кто говорит, что в Москву? Не надо! Что, других городов нет? Поезжай в нашу столицу. Там почти как в Москве.

Нина даже не думала о том, чтобы поехать в столицу.

— Ты сейчас не решай, — сказала тетя Ася, — подумай. Но там тебе будет легче и ко мне ближе — сядешь на автобус и приедешь в любой момент.

— И кто меня там ждет?

— Пока не ждет, но мы же и не говорили никому, чтобы ждали! У Мадлены там золовка живет, у Вали тоже родственники по мужу. Квартиру тебе найдем,

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

работу найдем, не переживай. Дочка, Нино, я тебя не гоню. Но если хочешь, чтобы у меня сердце было спокойно за тебя, — уезжай. Ты еще такая молодая. Тебе люди нужны, много людей, работа нужна по душе. Тебе жизнь нужна! Сейчас послушай меня, если я не права окажусь, вернешься в любой момент.

Нина кивнула — она знала, что уже к утру крестная найдет ей и квартиру, и работу. Так и вышло.

— Нино, ты когда едешь? — ворвалась рано утром Валя. Нина могла поклясться, что тетя Ася легла спать и никому не звонила. Эти соседки и вправду слышали сквозь стены.

— Не знаю, — растерялась Нина.

— Как не знаешь? Зато я знаю! Завтра едешь. Будешь жить у Карины. Ну, у Карины, которая троюродная сестра Лали! Что ты мне глаза большие делаешь? У Карины квартира почти в самом центре. Она к Лали поедет, а ты к ней!

— Спасибо. А это надолго?

— Конечно! Карина если к Лали уезжает, то очень надолго! — засмеялась Валя. — В последний раз на неделю уезжала, так через два года вернулась. Лали без нее совсем не может детей воспитывать — пятого ребенка ждет, вот и волнуется. Карина после четвертого племянника так радовалась, когда домой вернулась,

Маша Трауб

думала, в отпуск приехала. Она так каждый раз думает — после третьего племянника говорила, что больше к Лали не поедет, пусть другую тетку вызывают. Но Лали Карину очень любит, других не хочет. И тут Лали звонит и говорит, что опять беременная. Карина в обмороке лежала, а что делать?

Не знаю, что там за квартира, я сама ее не видела, но Карина говорит, что конфетка, а не квартира. Ты не волнуйся, Карина сказала, что там соседки хорошие, она уже всех предупредила, что ты приезжаешь. Помогут тебе.

— Так быстро надо ехать?

— Конечно! Карина тебя встретит, ключи передаст. Ее уже Лали заждалась. Но ради тебя еще подождет.

— Что ты ей про квартиру говоришь, ты ей про работу скажи! — В квартиру влетела Мадлена. Она тяжело дышала и обмахивалась картонкой. — Работать будешь в банке. У меня там начальник сын племянника. Такой мальчик умный. Даже не думала, что таким вырастет, в детстве совсем неумный был. Совсем глупый был в детстве. Но какая нам разница — умный или не умный, главное, что он тебя на работу возьмет.

— Это точно? А если я собеседование не пройду? Я ведь даже резюме не отправляла.

Шушана, Жужуна и другие родственники

— Ася, я ее не понимаю! Что нужно отправлять? Я уже все резюме про нее рассказала, э! Как это не возьмет? Тетя Мадлена специально звонила, просила, а он не возьмет? Да кто он после этого будет? Так что собирайся. И если он тебе плохую работу даст, то ты только скажи, что тете Мадлене позвонишь!

Нина прекрасно понимала, что ее судьба от нее не зависит. Эти женщины за нее все решили, и раз уж они думают, что ей так будет лучше, значит, так надо. Да что — думали? Они знали!

* * *

Квартира в столице оказалась уютной, действительно почти в центре — до работы можно было пешком дойти. Карина, хозяйка квартиры, встретила Нину как родную, расцеловала, обняла и уехала к Лали, которая звонила каждые пять минут и спрашивала, выехала Карина уже или еще нет.

— Уже выехала, вот прямо сейчас в автобусе сижу! — отвечала Карина, которая еще даже из квартиры не выходила. — Еду, еду! — кричала она в трубку, продолжая наставлять Нину по поводу кранов, кастрюль, запасов кофе и прочих хозяйственных мелочей. — Ладно, поеду, — наконец успокоилась Карина.

Маша Трауб

на, взяв сумку, — а то Лали мне голову откусит, когда увидит. Остальное тебе соседки покажут и расскажут. Не волнуйся. Да, и пойдем я тебя в банк отведу. Гоги уже тебя ждет.

— Какой Гоги?

— Как какой? Сын племянника Мадлены!

Карина показала Нине дорогу к банку и ушла на автобусную остановку.

Гоги оказался мужчиной лет сорока, с видимой плешью и с не менее заметной сединой. Нина же ожидала увидеть если не юношу, то уж точно не мужчину средних лет. И он совсем не был глупым, как считала Мадлена. Во всяком случае, чувство юмора у него точно было.

— Что, тетя Мадлена все про меня рассказала? — улыбнулся он.

— Нет, ничего такого, — поспешила заверить его Нина.

— Странно, обычно тетя Мадлена любит рассказывать историю, как я в три года испугался собаки и она требовала, чтобы мне сменили имя.

— Почему? — не поняла Нина.

— Гоги означает «храбрый», — вздохнул директор банка. — А я, с точки зрения тети Мадлены, — трус. Ведь у меня не хватает смелости даже жениться. Что

Шушана, Жужуна и другие родственники

вы умеете делать? Какую работу вы хотите? Скажите сразу, чтобы я был спокоен и тетя Мадлена тоже.

— Я работала в банке, и я вас не подведу.

Гоги замахал на нее руками: мол, все в порядке.

— Когда вы хотите выйти на работу? — спросил он.

— Когда нужно, тогда и выйду, — удивилась Нина.

— Давайте так: когда будете готовы — приходите. Тетя Мадлена сказала, что вы должны отдохнуть, в театр сходить, погулять...

— Нет, я не хочу гулять. Наотдыхалась уже, — улыбнулась Нина. — Давайте с понедельника выйду. И спасибо вам большое.

Гоги опять махнул рукой:

— Не за что.

Так Нина прошла собеседование.

Не успела она вернуться домой, как в дверь деликатно постучали.

— Нина? — Перед ней стояла молодая женщина с коробкой из кондитерской. — Я Шушана. Соседка.

— Очень приятно.

— Ну что, как тебе Гоги? — Шушана по-хозяйски прошла на кухню, уверенным движением открыла шкаф, достала пачку кофе, тарелку, сварила кофе, разложила пирожные.

Маша Трауб

— Не знаю, хорошо, очень приятный, а что?

— Как что? Валя сказала Карине, а Карина сказала мне, что ты не замужем. А Мадлена сказала Вале, Валя сказала Карине, а Карина мне, что у Гоги просто не хватает смелости жениться. Его как в детстве собака напугала, так он теперь всю жизнь мучается. Вот Мадлена и подумала, что ты можешь выйти замуж за Гоги.

— Так она поэтому попросила его взять меня на работу? — Нине вдруг стало очень стыдно.

— Конечно! Стала бы Мадлена просто так суетиться!

— И что мне теперь делать?

— Как что? Работать! — Шушана налила кофе. — Потом скажешь, что тебе Гоги не понравился — и все. Придумаешь что-нибудь.

— Я так не могу. Мне правда работа нужна.

— Ты ведь из Москвы приехала? — с интересом спросила Шушана. — А почему там замуж не вышла? Зачем тогда уезжала? Ты поэтому вернулась? Что, в Москве грузин не было? Или ты за москвича хотела? Я тебе так скажу: если захочешь замуж, то надо Жужуну звать — она тебя сосватает. Она и меня сосватала. Она хоть кривую, хоть больную, хоть косую сосватает!

— Я не хочу замуж, и я не косая и не кривая, — обиделась Нина, но соседка этого даже не заметила.

Шушана, Жужуна и другие родственники

— Так ты вообще красавица! Захочешь — завтра замуж выйдешь! Правда, ты странная немного, умная, это сразу видно, но ты не переживай — тебя Жужуна научит, как надо говорить, чтобы понравиться.

— Шушана, я не знаю, что сказала Валя Карине, а Карина — вам, но я приехала просто жить и работать.

— Почему ты как не родная? Зачем мне «вы» говоришь? — Теперь уже обиделась соседка. — Я тебе так скажу. Живи, работай, но если захочешь кофе утром выпить, поговорить, всегда ко мне заходи. Я детей в школу отвожу, а потом дома. Если ты не придешь, я сама к тебе приду — мне же так интересно, что с тобой дальше будет! И Ирме интересно. Вот где она?

В этот момент в дверь позвонили. Открывать пошла Шушана.

— Ирма, — поприветствовала она соседку, выкладывая еще одно пирожное на тарелку, — нам Карина все не так сказала. Она не хочет замуж. За Гоги тем более. Вот, сама на нее посмотри. И Жужуна ей тоже не нужна. Она работать хочет, а сплетничать совсем не хочет.

— С приездом, — вежливо поздоровалась Ирма, которая, в отличие от Шушаны, была более сдержанна.

Маша Трауб

— Спасибо, — улыбнулась ей Нина.

— Если что-то нужно, приходите, — предложила ей Ирма. — На нее, — она показала на Шушану, — не обращайтесь внимания, она только с виду такая нервная, а так нормальная.

— Ирма, что ты говоришь? Ты лучше предложи Нине зубы сделать!

Ирма передернула плечами — видимо, не в первый раз услышав такое предложение.

— Ирма — врач. Стоматолог. Она тебе такие зубы сделает, что в Москве таких не видели! Будешь улыбаться, сразу себе мужа найдешь!

Так у Нины появились две подруги — соседки. И спустя короткое время она была вынуждена признать — с ними ей повезло. Они напоминали ей родной город, Валю, тетю Асю, Мадлену... Нина не осталась одна.

Шушана — образцовая домохозяйка — была ей всегда рада, в любое время дня и ночи. Нина часто забегала к ней на кофе. Шушана была легкой, взбалмошной, крикливой, плаксивой, но в то же время доброй, ласковой, терпеливой. Ее обожал муж, а главным ее счастьем были двое сыновей-погодков, над которыми Шушана тряслась, как квочка. Мужа она безумно ревновала, устраивала ему сцены, а он смотрел на нее так,

Шушана, Жужуна и другие родственники

как не каждый влюбленный жених смотрит. Шушана была счастливой женщиной, которая знала про свое счастье и легко им делилась. При этом она, далеко не красавица, легко и с юмором относилась к своей внешности.

— Слушай, у меня такие глаза, — смеялась Шушана, у которой были глаза навывкате. — Если я чихну, то они выпадут!

— Как мне нравятся твои пятки! — восхищалась соседка, разглядывая ноги Нины. — У меня круглые пятки, совсем некрасивые, а у тебя правильные, тонкие, как у девочки. Куда только мужчины смотрят? Как они могут пройти мимо таких пяток? Слушай, Нина, ты хорошо подумала? Зачем таким пяткам пропадать? Тебе мужчина нужен, который будет эти пятки целовать!

— Шушаночка, я не хочу замуж.

— Так я тоже не хотела, пока своего Ику не увидела! Это меня Жужуна сосватала. Я так с Икой знакомиться не хотела, что у меня прямо болезнь началась! — хохотала, рассказывая, Шушана. — А как его увидела, так заболела. Уже по-другому. Замуж хотела, чуть не умерла! Жужуна даже говорила, что неприлично себя так вести, так сильно замуж хотеть, а что я могла с собой сделать? Когда я на Ику смотрела, у меня

Маша Трауб

глаза еще больше становились! Думала, ослепну, так на него смотрела! Вот ты мне скажи, ты видела таких красивых мужчин в Москве? Нет! И не увидишь!

Шушана удачно вышла замуж, о чем она всем и общала. Муж, Ика, с нее пылинки сдувал. И даже то, что два родных брата Ики и их жены ненавидели Шушану, считая ее ленивой и капризной, не мешало ей жить счастливо.

— Ты не мужчина, раз так себя ведешь! — возмутились братья и золовки.

— Если бы у вас была такая женщина, вы бы тоже так себя вели! — вставал на защиту жены Ика.

— Она ему точно что-то в еду подсыпала, — судачили золовки, — может, Ику на кофе пригласить и отворот подсыпать? Она даже готовить не умеет. За нее Ика готовит. Пусть всю жизнь ест то, что сама готовит! — слали они проклятия.

Шушана стала совсем счастливой после того, как одного за другим родила двоих сыновей.

— Ика от счастья чуть с ума не сошел, а золовки своими злыми языками подавились, — хохотала Шушана. — У них ведь девочки первыми родились. А жена младшего брата никак второго ребенка родить не может. Это она от злости и зависти бесплодной стала. А я сразу двоих мальчиков. Род через Ику продолжил-

Шушана, Жужуна и другие родственники

●

ся. И что им делать? Говорят, я специально одного за другим детей родила, чтобы Ику к себе привязать. Так правильно говорят. Пусть они так попробуют мужей привязать, как я привязала!

Шушана была образцово-показательной матерью, которая за недобрый взгляд, брошенный на ребенка, могла и загрызть. Нет, сначала бы она убила, а только потом загрызла недоброжелателя. Нина быстро поняла, что про Ику и сыновей Шушаны можно было говорить только в восторженных выражениях. С нескрываемым восхищением.

Нина поражалась женской мудрости и доброте Шушаны. В глобальном, можно сказать вселенском, смысле она была не злой. И даже когда насылала проклятия на головы золовок, не желала им беды. И Ика знал — если что-то случится, Шушана первой бросится на помощь. Правда, Шушана могла бросаться на помощь даже в тех случаях, когда этого не требовалось. Она просто не умела по-другому. Нина поняла, что у нее нет ни единого шанса на личное пространство, имея под боком такую соседку. Если Нина один день не звонила Шушане, та немедленно прибежала с коробкой пирожных из кондитерской.

— Ты заболела? Почему пропала? Что я должна думать? Я должна волноваться? — кричала Шушана.

Маша Трауб

— Все хорошо, просто закрутилась на работе.

— Что, тебя Гоги совсем не ценит? Надо позвонить Мадлене и сказать, что Гоги тебя закрутил!

— Не надо, Шушаночка, умоляю. Все хорошо.

Гоги, надо сказать, пребывал тоже в шоке. Ему в подчиненные достался специалист высокого класса, и он не мог поверить своему счастью. Нина успевала за два дня сделать то, на что раньше требовался месяц. Гоги очень страдал, что его банк не соответствует уровню Нины.

— Что ты хочешь? — спрашивал Гоги. — Хочешь денег? Хочешь в отпуск? Только скажи, что?

— Я просто работаю, мне нравится, — отвечала Нина.

Гоги махал руками, не понимая, за что ему на голову свалилась эта молодая женщина.

— Нина, давай ты уедешь, а? Мне все говорят, что я тебя недостойн. Ты слишком много знаешь для моего банка. Слушай, у меня бывший одноклассник в министерстве экономики работает, давай ты к нему пойдешь, а? Он уже про тебя спрашивал, — чуть ли не умолял Гоги.

— А вы всем говорите, что вы меня достойны! — смеялась Нина.

— Скажи, ты точно не хочешь за меня замуж? — краснея, уточнял начальник.